

УДК 316.3 (316.022)

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/142-161

Научная статья

© В. В. Бубликов

УКРАИНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ НАКАНУНЕ 2022 ГОДА

«Я не понимаю, почему такая ненависть» vs. «Хорошо к украинцам относятся»

В статье на основе данных полевых социологических исследований, выполненных в 2020–2021 гг. в нескольких регионах РФ среди лиц с украинской идентичностью, анализируется уровень социальной комфортности публичного выражения их этничности и частота проявлений этнически мотивированного негативного отношения к украинцам. Статистика этнического состава и демографические тенденции показывают, что в численной динамике украинцев в России в течение последнего столетия общественно-политические факторы играли ключевую роль. Автор задается вопросом, в какой мере сокращение численности украинцев в последние три десятилетия коррелирует с этнически мотивированной ксенофобией в их отношении, учитывая, что миграционный прирост должен был бы остановить депопуляцию. Эмпирические данные социологических исследований автора показывают, что в столь «остром» и интимном вопросе как межэтнические отношения, количественные социологические методы не совсем корректно отображают существующие реалии, т.к. многие респонденты стремятся «приукрасить» ситуацию, либо вовсе «не замечают» этнически обусловленного недоброжелательного отношения к себе. Данные, собранные с помощью качественной методологии, свидетельствуют, что примерно половина респондентов испытывала в той или иной степени дискомфорт в связи со своей украинской идентичностью, в т.ч. либо сталкивалась с ксенофобскими проявлениями, либо избирала стратегию сокрытия украинской идентичности (осциллирующая идентичность). Причем о таком положении заявляют респонденты всех возрастов и регионов проживания, а этническая депривация или случаи межэтнических конфликтов относятся как к советскому, так и к современному периодам.

Ключевые слова: украинцы, украинцы в России, двойственная русско-украинская идентичность, осциллирующая идентичность, биэтничность, биэтноры

Ссылка при цитировании: Бубликов В. В. Украинская идентичность в России накануне 2022 года // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 142–161.

Бубликов Василий Валерьевич — к. с. н., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, 85). Эл. почта: v.bublikov@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

UDC 316.3 (316.022)

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/142-142

Original Article

© Vasily Bublikov

UKRAINIAN IDENTITY IN RUSSIA ON THE EVE OF 2022

“I don’t understand why all this hatred” vs. “Ukrainians are treated well”

The article, based on the data from field sociological studies carried out in several regions of the Russian Federation among people with Ukrainian identity in 2020–2021, examines the level of social comfort when expressing their ethnicity in public and the frequency of ethnically motivated negative attitude to Ukrainians. Ethnic statistics and demographic trends show that socio-political factors have played a key role in the numerical dynamics of the Ukrainian population in Russia throughout the last century. The author wonders to what extent the decline in the number of Ukrainians over the past three decades correlates with ethnically motivated xenophobia against them, although the increase in migration should have stopped the depopulation. The empirical data of the author’s sociological research show that in such an “burning” and intimate issue as interethnic relations, quantitative sociological methods do not quite correctly reflect the existing realities, because many respondents try to “embellish” the situation. The data collected using qualitative methodology shows that about half of the respondents experienced some degree of discomfort with their Ukrainian identity, sometime faced xenophobic manifestations or choose a strategy of concealing their Ukrainian identity (oscillating identity). Moreover, respondents of all ages and regions of residence declare such a situation, and ethnic deprivation or cases of interethnic conflicts refer to both the Soviet and modern periods.

Keywords: *Ukrainians, Ukrainians in Russia, dual Russian-Ukrainian identity, oscillating identity, bi-ethnicity*

Author Info: **Bublikov, Vasily V.** — Ph. D. in Sociology, Belgorod State University (Belgorod, Russia). E-mail: v.bublikov@mail.ru

For citation: Bublikov, V. V. 2023. Ukrainian Identity in Russia on the Eve of 2022. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 142–161.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 20–011–00676 “Multiple Russian-Ukrainian ethnic identity in Russia and its regional characteristics”.

Этно-демографическая динамика украинцев в России и ее причины

Украинцы уже несколько столетий являются одной из крупнейших этнических групп в России, а до 1930-х гг. они и вовсе были самым многочисленным этническим меньшинством с численностью в 6,87 млн человек¹, в два раза превышая число следовавших за ними татар (ВПН 1926; Демоскоп). Также украинцы имели и целые регионы компактного проживания: Кубань и Предкавказье — 1,95 млн, юг Черноземья — 1,63 млн и др. Однако из-за голода 1932–1933 гг. и последовавшего свёртывания практики «коренизации», репрессий, отсутствия возможности образования на родном языке и даже самого его изучения (Дроздов 2016), количество украинцев в РСФСР обвально сократилось более чем в два раза — до 2,96 млн по переписи 1937 г. (ВПН 1937) и 3,21 млн по переписи 1939 г. (Демоскоп). Как отмечает К. С. Дроздов, «национальность стала восприниматься местным населением как один из критериев политической благонадежности» (Дроздов 2016: 458).

После Второй мировой войны численность украинцев в РСФСР стабилизировалась и даже стала расти в 1970–1980-е гг. (в 1959 г. — 3,36 млн, 1970 г. — 3,35 млн, 1979 г. — 3,66 млн, 1989 г. — 4,36 млн), но исключительно вследствие массового притока мигрантов из Украины, в то время как автохтонные украинцы России продолжали постепенно ассимилироваться из-за отсутствия институциональных возможностей поддержания идентичности (образования, СМИ и т.д.), которые пусть и ограничено, но существовали у этнических групп со «своими» этно-территориальными образованиями.

После распада СССР в Российской Федерации проживают как имеющие украинскую этническую идентичность или украинское происхождение россияне, так и граждане Украины (Мартынова 2013). Несмотря на некоторый «этнический ренессанс» (Гончарова 2016), украинцы, многие из которых в России уже к тому времени на протяжении нескольких поколений не поддерживали свою этническую и культурную идентичность, не только не вернулись к «национальным корням», но стали вновь активно сокращаться в числе: в 2002 г. — 2,94 млн, в 2010 г. — 1,93 млн (Демоскоп). По данным переписи 2021 г. в России было зафиксировано всего 713 тыс. украинцев, что в численном отношении переместило их с третьего на восьмое место среди народов страны.

Причины такого резкого сокращения (за 1989–2021 гг. в 6,1 раза) лежат, на наш взгляд, прежде всего, в общественно-политической, а не демографической плоскости. Уровень рождаемости и смертности среди украинцев не сильно отличается от остального населения России. То есть, их демографическое воспроизводство является суженным, однако это может объяснить сокращение на проценты, но не в разы, как мы видим в последних переписях. Более того, практически все постсоветские годы российской статистикой фиксировался миграционный прирост в обмене населением с Украиной², но он не «остановил» обвальное сокращение численности украинцев. К такому же выводу приходят и многие другие исследователи. Например, С. Г. Сафронов пишет: «Быстрое сокращение доли украинцев и белорусов в постсоветский период, ... невозможно объяснить лишь этнодемографическими процессами, включая миграцию» (Сафронов 2015: 141).

¹ Здесь и далее в границах 1991 г.

² Хотя надо учитывать, что российская миграционная статистика занижает число выезжающих из страны, поэтому цифры положительного миграционного баланса явно завышены.

Таким образом, причины негативной численной динамики украинцев в России обусловлены вопросом самоидентификации и ангажированного выбора «официальной» национальности. Это предположение подтверждают и темпы их сокращения: в относительно либеральные 1990-е гг. (когда из страны наблюдался этнически мотивированный отток в бывшие союзные республики) они составляли $-2,3\%$ ежегодно, в 2000-е гг. — $-4,3\%$, а в 2010-е гг. — уже $-5,7\%$ ¹. Я предполагаю, что нарастание темпов сокращения численности этнических украинцев в России в определенной степени обусловлено ростом антиукраинских настроений в обществе после Оранжевой революции 2004 г. и, особенно, в условиях российско-украинского конфликта, начавшегося в 2014 г. Ученые Института социологии РАН еще в 2015 г. отмечали наличие «осциллирующей» идентичности среди украинцев и крымских татар в связи со стигматизацией этих этничностей (*Епихина, Черныш* 2017: 65).

Безусловно проявлению осциллирующей идентичности среди украинцев России способствует и большое количество смешанных браков, т.е. в реальности у многих людей с украинской этничностью присутствует и русская идентичность, они по сути являются биэтнорами. Но, все же, как нам представляется, при отсутствии политического фактора, численное сокращение российских украинцев было бы меньшим, а вероятнее всего вообще было бы компенсировано миграционным притоком. Косвенно это подтверждают и недавно опубликованные результаты переписей населения двух постсоветских стран, с традиционно высокой численностью украинцев — Казахстана и Беларуси. В обеих странах численность этнических украинцев в последнее десятилетие выросла, а русских — сократилась. Так, в Казахстане за период 2009–2021 гг. количество украинцев возросло на 16%, с 333 до 387 тыс.² (Итоги Национальной 2022: 11), в Беларуси за 2009–2019 гг. — на 1%, со 159 до 160 тыс.³ (Национальный статистический). Причем по ряду признаков можно констатировать, что такая этническая динамика в Казахстане и Беларуси обусловлена не миграционными или демографическими причинами, а изменением этнического самосознания: сменой этничности с «русских» на «украинцев», очевидно под воздействием событий последнего десятилетия.

В России же ситуация диаметрально противоположная. Например, Т. А. Листова, исследовавшая в 2014 г. украинское по происхождению население Воронежской области⁴, отмечала: «Местные жители по-прежнему и ощущают и аргументируют свою не просто тождественность, а гомогенность с жителями сопредельных районов Украины. В то же время идет явная мобилизация русской-российской идентичности. Остается впечатление, что усиленное декларирование себя русскими — это результат потребности дистанцироваться от украинцев Киева» (*Листова* 2015: 138).

¹ Рассчитано за межпереписные периоды по данным переписей 1989, 2002, 2010 и 2021 гг.

² Русских сократилось на 21%, с 3 794 до 2 982 тыс.

³ Русских сократилось на 10%, с 785 до 707 тыс.

⁴ Южная часть бывшей Воронежской губернии — один из крупнейших на территории современной РФ украинский этнический ареал, непосредственно примыкающий к территории Украины. Например, в 1926 г. там проживало 1 079 тыс. украинцев, а уровень этнической гомогенности достигал редких даже для самой Украины показателей: в отдельных районах украинцы составляли 99% жителей, а в целом из 9 уездов региона они преобладали в 4 (Всеобщая 1928).

Цель, методология и эмпирическая основа исследования

Целью данной статьи является изучение мнений жителей России с украинской идентичностью об уровне комфортности ее выражения в обществе. Объектом исследования мы избрали не стандартизированно выделенную «монолитную» этногруппу украинцев, а биэтническое русско-украинское население, состоящее как из потомков смешанных браков, так и из «бывших» украинцев, которые в постсоветские годы стали массово записываться в переписях и документах русскими¹.

Такой подход был обусловлен, во-первых, этническими реалиями — большинство лиц, ныне идентифицирующих себя в России как «украинцы», как правило, имеют и какую-то долю русской идентичности², и еще большое число лиц, фиксируемых статистикой как «русские» имеют украинскую идентичность (Октябрьская и др. 2015). Во-вторых, опрос биэтнических респондентов в контексте выявления уровня комфортности выражения обеих компонент их идентичности даже более показателен, ведь они как носители двух этничностей могут сопоставлять, какие эмоции они испытывают относительно своей *русскости* и *украинскости*, сталкиваются ли они с проявлениями этнической ксенофобии?

Эмпирическим материалом для статьи стали данные исследования, проведенного в два этапа (в 2020 и 2021 гг.), качественным и количественным методами в пяти субъектах РФ³ с традиционно высокой долей населения украинского происхождения, в т.ч. с районами, где ранее украинцы составляли этническое большинство. Респондентами являлись совершеннолетние, постоянные жители, которые в ходе предварительной беседы подтвердили наличие у себя и русской, и украинской идентичностей. В 2020 г. было проведено 100 глубинных структурированных интервью (по 20 в каждом регионе), в 2021 г. — анкетирование 800 респондентов (по 160 в каждом регионе). Внутри регионов выборка делилась в равном соотношении: половина респондентов опрашивалась в районах компактного проживания биэтноров («бывших» украинских районах, сельская местность и малые города), вторая половина — в крупных городах, где биэтноры проживают дисперсно, среди численно преобладающего «только русского» населения⁴.

Выбор такой последовательности — проведение сначала интервью (качественный метод), а затем анкетирования (количественный метод) — был обусловлен, во-первых, необходимостью сбора мнений респондентов без эффекта «навязывания ответа», который в той или иной степени присутствует при анкетировании. То есть, результаты интервью позволили нам отобрать варианты ответа для анкетирования, которые чаще всего называли сами респонденты. Во-вторых, интервью респонден-

¹ Что создает интересные статистические метаморфозы на уровне отдельных территориальных единиц. Например, в Ровеньском р-не Белгородской области по переписи 1989 г. украинцы составляли 73%, а по переписи 2002 г. уже только 21%, 2010 г. — 7%. То есть свыше половины жителей этого района просто изменило свою «официальную национальность».

² По сути такая идентичность является российской, т.е. гражданской, но подавляющее большинство опрошенных не разграничивает понятия гражданская и этническая идентичности, для них *русский* является практически синонимом малоупотребительного *российский*.

³ Белгородская, Воронежская, Омская области, Алтайский и Приморский края.

⁴ Соответственно это: в Белгородской обл. — Краснояружский р-н и г. Белгород, в Воронежской обл. — Россошанский р-н и г. Воронеж, в Омской обл. — Павлоградский р-н и г. Омск, в Алтайском крае — Романовский р-н и г. Барнаул, в Приморском крае — Хорольский р-н и г. Владивосток.

тов раскрывают более сложные особенности и взаимосвязи этнического самосознания, нежели просто выбор тех или иных вариантов ответа в анкете. И как показывает ниже проведенный анализ полученных данных, при изучении столь сложного вопроса как комфортность этничности и частота ксенофобских проявлений, выбор такой последовательности и совмещение двух методов был полностью оправдан, а качественная методология лучше раскрывает не только содержание мнений респондентов, но и (как это не парадоксально) даже количественные соотношения.

В ходе проведения исследования место рождения респондента не являлось фактором выборки, т. е. мы опрашивали и коренных жителей, и мигрантов. В результатах массового опроса респонденты по месту рождения распределились следующим образом: местность нынешнего проживания — 61%, другой район региона проживания — 11%, другой регион России — 9%, Украина — 17%, другие страны — 3%. То есть, подавляющее большинство участников анкетирования (80%) являются россиянами по рождению, а среди респондентов, участвовавших в интервьюировании — 73%.

Прежде чем перейти к анализу полученных результатов, необходимо ещё раз отметить контекстуальную рамку исследования — оно проводилось в условиях российско-украинского межгосударственного конфликта, начавшегося в 2014 г. Соответственно, при проведении исследования мы столкнулись с частыми отказами потенциальных респондентов в участии, настороженностью и недоверием, стремлением дать социально ожидаемые ответы, тех кто все-таки согласился участвовать в опросах. Данная ситуация была характерна для всех регионов, однако чаще она проявлялась в пограничных с Украиной областях, где население часто вообще не хотело хоть как-то ассоциировать себя с украинцами, боясь неких «последствий». Безусловно мы пытались снизить влияние политического фактора при общении с респондентами, подчеркивая научный характер исследования. Тем не менее, по нашим наблюдениям, значительная часть опрошенных все же давала государственно одобряемые ответы, либо сопровождала их выражением политической лояльности РФ.

При этом, подчеркнем, что наличие этой настороженности не означает, что такие респонденты имели какие-либо оппозиционные по отношению к российской власти взгляды, напротив большинство из них следовало в официальном российском дискурсе, практически все они искренне выражали свою любовь к России. Поэтому их настороженность имела несколько иррациональный характер, боязнь неких «последствий» уже исходя из самого факта декларирования своей пусть и частичной украинской идентичности.

Результаты исследования: количественная vs. качественная методология

Анкеты и качественного, и количественного исследования содержали идентичные по формулировке вопросы: *«Чувствовали ли Вы когда-нибудь неудобство из-за своей национальности или ее части (русской или украинской), необходимость скрывать свою национальность (или ее часть) при общении с другими людьми?»* и *«Приходилось ли Вам сталкиваться с негативным отношением к Вам или к Вашим близким в связи с Вашей национальностью или ее частью (русской или украинской) в регионе, в котором Вы проживаете?»*. Этими вопросами мы соответственно

выявляли уровень социальной комфортности выражения идентичности и частоту проявления этнической ксенофобии.

Иначе говоря, ответы опрошенных на первый вопрос показывают уровень «самоцензуры» при публичном выражении идентичности, на второй — реакцию окружающих на это выражение, в случае если респондент не опасался проявлять свою этничность. Необходимо учитывать, что в отличие от «видимых меньшинств», россияне с украинской идентичностью практически не отличаются от остального населения (в массе своей русского) антропологически, т.е. относительно легко могут скрывать украинскую этничность, за исключением той части из них, которая испытывает(ла) проблемы с переходом на русский язык и с сохранением украинского акцента.

Итак, обратимся в начале к результатам количественного исследования, которые, на первый взгляд, свидетельствуют о высоком уровне социального комфорта при выражении обеих частей идентичности русско-украинскими биэтнорами: 77% указали, что им *«всегда комфортно заявить о своей национальности»*, 17% — что им иногда неудобно признаться, что они украинцы, 2% — скрывают украинскую идентичность и 2% — что им иногда некомфортно сказать, что они русские (рис. 1). Примечательно, что ни один из 800 респондентов не выбрал вариант *«да, я скрываю, что я русский»*¹. То есть, декларируя свою этничность биэтноры ровно в десять раз чаще испытывают неудобства относительно украинской части, нежели русской.

Анализируя распределение ответов респондентов в основных возрастных и территориальных подгруппах, можно сделать вывод об относительно несущественных различиях в них. Наиболее значимым является уровень дискомфорта украинской этничности среди старшего поколения — 21% (молодежь и средний возраст — по 17%²), что опровергает широко распространенный миф о якобы отсутствии межэтнических проблем в советский период (об этом же свидетельствуют и данные интервью, приведенные ниже).

Отвечая на следующий вопрос анкеты: *«По каким причинам Вам не всегда комфортно признаться в своей национальности или происхождении?»*³ ответы респондентов распределились следующим образом: *«из-за политических событий»* — 13% от общей массы опрошенных (или 63% от числа скрывающих этничность); *«просто живя здесь комфортнее не называть себя представителем этой национальности»* — 6% (30%); *«эта национальность, ее язык воспринимается окружающими как „отсталая“, менее образованная и культурная»* — 3% (13%). То есть причины дискомфорта при постулировании украинской этничности чаще всего лежат в политической сфере.

Ответы респондентов, полученные в ходе анкетирования на вопрос о случаях этнически мотивированной ксенофобии по отношению к ним или их близким, еще более позитивны: 85% заявили об отсутствии таких случаев (рис. 2). Лишь 5% указали, что им приходилось сталкиваться с негативным отношением в связи с их украинской этничностью, 1% — русской. Еще 9% — затруднились ответить на вопрос, т.е. эта группа является «пограничной», т.к. они могли сталкиваться с ксенофобией, но не заявили об этом.

Распределение ответов респондентов на вопрос о случаях этнической ксенофобии по возрастным и территориальным категориям опрошенных, как и в вопросе

¹ В анкете мы придерживались зеркального принципа вопросов и вариантов ответа относительно обеих частей этничности биэтноров (русской и украинской).

² Совокупно варианты: *«да, иногда неудобно сказать, что я украинец»* и *«да, я скрываю, что я украинец»*.

³ На этот вопрос отвечали только те респонденты, которые в предыдущем вопросе указали на неудобства или опасения при выражении своей этничности.

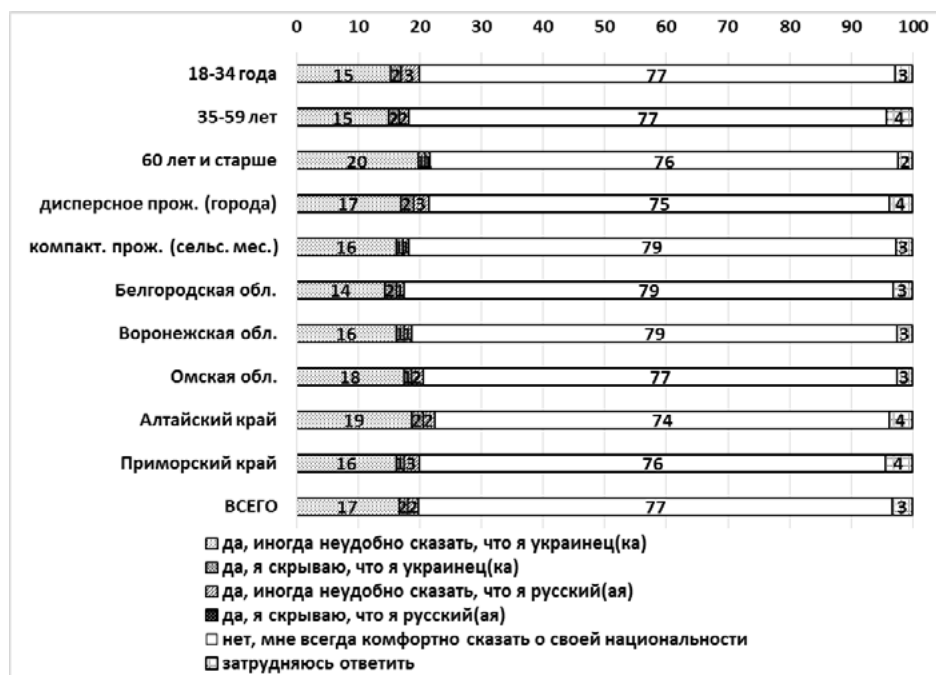

Рис. 1. Распределение ответов жителей России с русско-украинской идентичностью на вопрос: «Чувствовали ли Вы когда-нибудь неудобство из-за своей национальности или ее части (русской или украинской), необходимость скрывать свою национальность (или ее часть) при общении с другими людьми?», опрос 2021 г., %

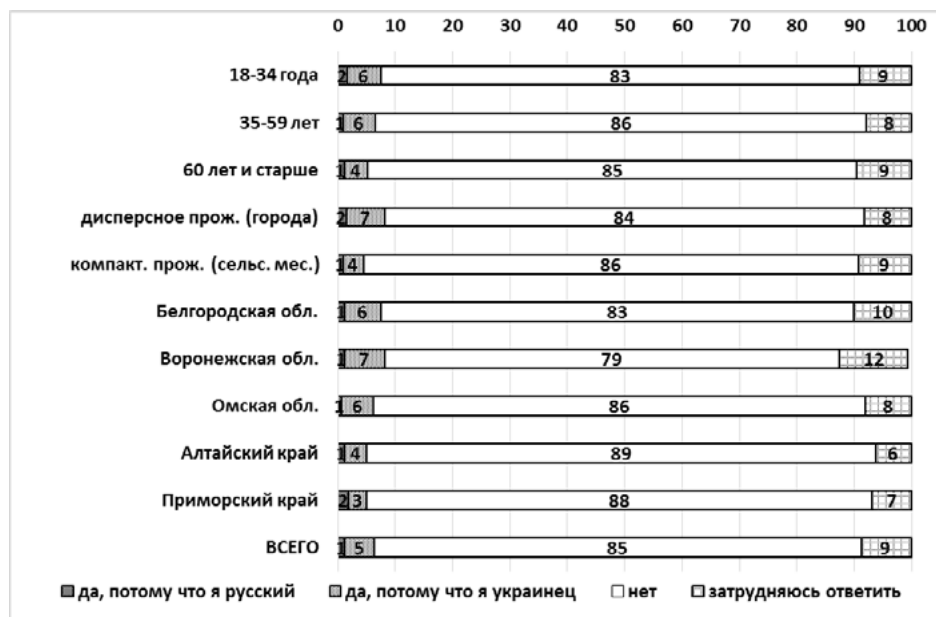

Рис. 2. Распределение ответов жителей России с русско-украинской идентичностью на вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с негативным отношением к Вам или к Вашим близким в связи с Вашей национальностью или ее частью (русской или украинской) в регионе, в котором Вы проживаете?», опрос 2021 г., %

о комфортности выражения идентичности, не сильно различаются. Однако здесь наблюдается интересная закономерность: с проявлениями ксенофобии несколько чаще сталкивалось поколение молодежи и среднего возраста — 6% (старшее — 4%), но на дискомфорт при выражении украинской этничности чаще указывает старшее поколение (рис. 1 и 2). Соответственно, эти данные свидетельствуют, что старшее, «советское» поколение чаще имело стратегию сокрытия *украинскости* (осциллирующая идентичность), нежели современная молодежь, которая немного реже стесняется своей национальности и чаще из-за этого сталкивается с антиукраинскими проявлениями.

Таким образом, если исходить из данных количественного исследования лиц с частичной украинской идентичностью, то в целом ситуация выглядит относительно удовлетворительной: 77% опрошенных заявляет о комфортности выражения своей идентичности, а 85% — об отсутствии в их адрес случаев проявления этнической ксенофобии.

Однако данные глубинных интервью несколько меняют оценку полученных количественных данных, и вот почему. При проведении интервью, между респондентами и интервьюерами как правило складывалась более доверительная атмосфера, иногда интервью протекали до двух часов, и респонденты часто вне рамок «лобовых» вопросов о комфортности выражения этничности или случаях ксенофобии приводили примеры и того, и другого. Другими словами, довольно частыми случаями были ситуации, когда респондент на прямой вопрос о том, удобно ли ему/ей сказать, что он/она украинец, отвечал положительно, но затем при рассказе о тех или иных жизненных ситуациях сам же по сути опровергал это утверждение. Эту ситуацию я объясняю прежде всего тем, что большинство жителей с украинской этничностью не испытывает в связи с ней внутреннего дискомфорта — они гордятся своими предками, происхождением, культурой и т. д. (многие даже заявляют о более высоком статусе *украинскости*¹) и поэтому им порой сложно признаться, что в каких-то жизненных ситуациях они стеснялись или даже скрывали украинское происхождение. Но в реальности при социальном взаимодействии нередко их *украинскость* переходила в латентную форму:

¹ Например, следующие мнения респондентов: «[Что отличает представителей Вашей национальности от других народов, проживающих в Вашем селе?] *Есть отличия. Хохлы по поведению дружнее, добрее, друг за друга больше*» [жен., 1965 г. р., Краснояружский р-н Белгородской обл., местная уроженка].

«[Расскажите, какие Ваши внутренние черты, особенности Вашего характера, личности характеризуют Вас больше, как украинку, а какие как русскую?] *Нет, все хохляцкие черты. Я русских [черт в себе] не вижу. Ну не знаю, мне, например, они вообще чужды. Это ответ на вопрос, почему бы я б никогда не связалась [вышла замуж] с москалем. Ну они вообще другие, они наглые очень, мне они не нравятся, вот этим своим отношением. Хохлы они более юморные, какие-то мягкие, доброжелательные, скажем так. А вот у русских этого нет, они замкнутые, они закрытые, они хитрые, они коварные какие-то. Хохлы более простоваты скажем так, мы более человечные ... И они [русские] вот самое главное, и они были крепостные, а хохлы были все вольные. И вот эта воля, вот у нас до сих пор продолжается. Я не терплю над собой никакого гнета вообще. Я не хочу никому подчиняться, никаким царям... Вот хохлы все вольные, может поэтому я не считаю себя русской, потому что русские они всегда кому-то подчинялись, а я зачем кому-то подчиняться, если самодостаточный народ, присмыкаться». При этом, в начале интервью на вопрос о национальности, ответ: «Я русский, но хохол» [жен., 1977, г. Воронеж, местная уроженка, родители из Красногвардейского р-на Белгородской обл.].*

«Когда я приехала в Белгород то первым делом у меня в голове, я сама себе такое давала задание — говорить только по-русски и ни в коем разе не выдавать то, что я хохлушка, из деревни. В общем старалась вот это все в себе скрыть свое, а перенимала все русское. Получалось так, что окружающая среда как-то не диктовала, но оно получалось так что лучше быть русским, раз я приехала в город, то надо быть русской» [жен., 1948 г. р., г. Белгород, уроженка Ольховатского р-на Воронежской обл., переехала в 1960-е гг.]

«В армию призывался, в Москве ж служил, по-русски чесал, старался ж не это [не выдавать национальность]. Ну иногда прям вылетал наш суржик. [Были ли конфликты на этой почве?] Ну не конфликты, но было. А как это: „Ааа, Хохляндия!“ Там у меня землячок был с Верхней Серебрянки, ну и мы по-своему как забацаем. А белгородцы у нас парни там служили ..., говорят: „Шо это за Хохляндия приехала?“» [муж., 1961 г. р., Россошанский р-н Воронежской обл., местный уроженец]

«Я до 15 лет жила в Кантемировском районе, при переезде внутреннего изменения не происходило, были просто внешние изменения ... Могли спрашивать: „А ты что хохлушка? На каком языке говоришь? Откуда сюда приехала? Ты не житель Воронежа?“ Эти вопросы не столько внутри были, для меня это не было болезненно, я просто коммуникабельный ребёнок с детства, общительный, с разными этносами себя чувствую комфортно» [жен., 1974 г. р., г. Воронеж, уроженка Кантемировского р-на Воронежской обл.]

«Сейчас я бы назвал себя русским, потому что это удобно, это не создаёт лишних вопросов, если я скажу, что я украинец — это сразу лишние вопросы» [муж., 1963 г. р., Хорольский р-н Приморского края, уроженец Анучинского р-на]

Значительное число респондентов в ходе интервью заявляло и о том, что лично они не стесняются своей украинской идентичности или языка, не боятся их выражать, но приводят примеры такого поведения среди родственников или знакомых:

«Я себя всегда хохлушкой считала, причём мама мне говорит: „Ты на людях разговаривай по-русски!“ с ней. Я говорю: „А почему?! Цыгане на цыганском разговаривают, армяне — на армянском“, даже просто в городе, они рядышком идут и по-своему плещут. Вот, я говорю: „А мне нравится с тобой на хохлячем говорить“. Она говорит: „А мне стыдно!“ А вот мне никогда стыдно не было. Я запросто могу со своими, и в Воронеже разговаривать, и в центре, и где угодно. У меня нет. Наоборот, у меня радость, что я знаю свой язык, а эти „Иваны не помнящие свое родство“, что стесняются. <...> [Как Вы считаете культура и языки каких народов должны поддерживаться государственными органами в Вашем регионе?] Ну в Воронежской области украинского народа обязательно должна поддерживаться потому что ну я не думаю, что здесь меньше 50-ти процентов хохлов, просто молчат об этом. Многие не говорят. Кто-то не помнит. Кто-то помнит, но думает: „Ну а зачем мне писать украинец?“ Ну половина уж точно хохлов здесь есть, хотя у всех написано русский в паспорте» [жен., 1977, г. Воронеж, местная уроженка, родители из Красногвардейского р-на Белгородской обл.]

«[К какой национальности относят себя Ваши дети, внуки?] Для сына, если [его] спросить, у него украинец сегодня, что одним ухом слышит, не понимает, не осознает, по телевизору — это плохо. Потому что на волне вот этих скажем так политических взаимодействий это сразу накладывает отпечаток политический на вот эти процессы идентификации для того, кто не осознает [свою идентичность]. Сын 100% русским себя назовет, он даже побоится назвать себя украинцем» [муж., 1979 г. р., г. Барнаул, уроженец Родинского р-на Алтайского края, переехал в 2000-е гг.].

«Мне не стыдно говорить на этом языке, если было бы стыдно, то я бы не балакала прилюдно. Як вот раньше в Москве, я помню, маленька была, йздыла, и мы с мамкой не балакали на хохлячем, то шо ей наверное стыдно было балакать на хохлячем в Москве. А тут я сейчас прыйхала в Белгород — тут я нормально балакаю <...> Я еще маленькая была, в любое учреждение государственное зайди и можно было балакать по-хохлячи, а сейчас зайды и на тэбэ будут дывытсья, типо: „Ты шо языка не знаешь родного, государством установленного?!“» [жен., 1993 г. р., г. Белгород, уроженка Ровеньского р-на, переехала в 2010-е гг., на суржике].

«Нас в основном то хохлами называют, но тоже, я, например, никогда не стесняюсь, когда мне вот [говорят о национальности]. Есть же люди, которые стесняются, там и речь и это, а я вот [нет]. У нас директор школы был одно время, когда мы начали работать, уроки ведем на русском же языке, мы ж в России, а перемена — мы между собой разговариваем на своем. Он нам запрещал это делать, мы буквально воевали. „А почему мы должны, ну мы же между собой общаемся? Почему вы нам запрещаете говорить на своем родном языке?“ „Это не родной! Это хохлы!“ — это он так рассуждал, вы представляете?! Ну как же, это же наш родной язык, мы с ним родились, и наши предки говорили. Запрещал нам говорить: „Говорите на русском!“ <...> [Хотели бы Вы чтобы Ваши внуки считали себя украинцами?] Конечно хочется, чтобы наши корни все равно помнили. Ну внучки говорят сейчас на русском, в город они уходят, вот сейчас стали более жёстче молодежь в этом плане. Я даже рада, что они [без акцента говорят по-русски], им не надо [переучиваться], они не стесняются. Вот если бы они говорили на украинском, то им бы тяжелее было среди городских. А раньше такого не было, как-то более с уважением, а дети сейчас стесняются, если говорят [на украинском], а мы [мое поколение] нет. Мы, например, между собой даже если в автобусе едем, то сядем и разговариваем тихонечко [на своем]» [жен., 1963 г. р., Павлоградский р-н Омская обл., местная уроженка, директор сельской школы].

Также широко распространены ситуации изменения отношения к своей украинскости по мере изменения возраста — стеснение в молодости и нормализация восприятия в зрелом возрасте:

«Это сейчас я уже взрослый, в возрасте и много видел и слышал, посмеёшься, да и всё. А когда помоложе, то стереотипы свои внутри, которые на тебя обзывают, то хохол, то ещё что-то. Где-то поедешь, а разговоры может выскаки-

вает что-то [в речи], то тогда вызывали обиду какую-то. Сидело в душе, если обижаешься, значит это что-то так отчасти. Ну а сейчас просто спокойно к этому отношусь. [А сейчас бывает что кто-то негативно относится?] Сейчас кто-то скажет, а я ему начну рассказывать, про казаков, про историю, про всё. „Ну интересно!“ — если нормальный человек, а если он дурак, то так дурак и останется» [муж., 1959 г. р., Краснояружский р-н Белгородской обл., местный уроженец].

«[Чувствовали ли Вы когда-нибудь неудобство из-за своей национальности?] Нет, ну, если только в детстве, когда, ну, не нравилось, что хохлушкой называли, это точно, и, вот, неприятно было, а так, во взрослом возрасте нет никаких неудобств» [жен., 1972 г. р., г. Воронеж, уроженка Житомирской обл., перевезена родителями в младенчестве].

Многие информанты заявляют о проблемах, имевших место в детстве при обучении в школе, в т. ч. проблемах восприятия школьной программы, преподаваемой исключительно на русском языке и взаимоотношений с иноэтничными одноклассниками и учителями:

«[Приходилось ли Вам сталкиваться с негативным отношением в связи с Вашей национальностью?] Сейчас нет, только в детстве, когда я училась в школе до 10 класса, это я чувствовала. <...> Нас считали, что мои родители предатели и так далее [отец был депортирован из Западной Украины при Сталине] и я чувствовала, что мне занижали оценки в школе, тройки ставили» [жен., 1957 г. р., г. Омск, уроженка Таврического р-на, переехала в 1970-е гг.].

«[Чувствовали ли Вы когда-нибудь неудобство из-за своей национальности?] Чувствовала. В школе под влиянием сверстников, я не говорила, ничего не говорила. Все знают, что у меня украинские корни, но я не говорила, что я украинка или я там русская. [То есть, это неудобно сказать, что украинка?] Да» [жен., 2000 г. р., г. Омск, местная уроженка].

«[Чувствовали ли Вы когда-нибудь неудобство из-за своей национальности?] Нет. Это то, от чего не откажешься, кем родился — тем и живи ... Даже когда конфликт начался — я не обращал на это внимание. Еще до 2014 года я на истфаке начал писать про тоталитарный режим, там же не понимают, чем фашизм от нацизма отличается и мне говорили, что я украинец, мне, наверное, это [фашизм] нравится, а я просто на это не обращаю внимание. <...> Был случай в школе, я до сих пор его помню, когда в восьмом классе, в 2010 году у нас был проект по битвам Великой отечественной войны и мы говорили о Киевском котле, и у меня одноклассник говорил прямо на уроке: „А вон Горобец — это же украинец!“ . И нас тоже спрашивает [учитель]: „А украинцы они какие?“ . И они [одноклассники] сразу такие: „Эээ, они дураки и трусы!“ . И вот почему-то этот момент мне врезался в память, потому что очень часто говорят, что украинцы они какие-то несерьезные, много шутят, нету ответственности, в случае чего сразу бегут» [муж., 1995 г. р., Павлоградский р-н Омской обл., местный уроженец].

«До 12 лет считал себя украинцем. Тут украинцев не так любылы, как русских, когда русские появились [в селе] в 58–59-х гг., а нас хохлов не любылы, пришлось переписываться русскими. В общем издевались над нами как хотели [А что говорили?] Все говорили, и дураки, и таки-сяки» [муж., 1950 г. р., Романовский р-н Алтайского края, местный уроженец, частично на суржике].

«[Приходилось ли Вам сталкиваться с негативным отношением в связи с Вашей национальностью?] Да. На учебе просто обзывали как-нибудь, или тыкали пальцем, просто надо быть выше этого и все. [А что говорили?] Это неприлично, я даже перефразировать этого не смогу, если честно» [жен., 1995 г. р., г. Барнаул, уроженка Романовского р-на Алтайского края, переехала в 2010-е гг.].

«В детстве, когда я только приехала с Украины, я знала только одно слово по-русски — „Айда“, и когда я в школу пришла, все: „А, тупая! А, тупая!“, потому что я вообще не понимала ничего по-русски, и тем более я отставала по программе, и конечно мне было очень тяжело. Там [в Украине] была круглая отличница, а сюда приехала, скатилась на тройки и двойки, и для меня это было очень больно, и пальцем показывали, пока вот я выучила язык, пока я не научилась с ребятами общаться, я вообще замкнулась капитально» [жен., 1955 г. р., Хорольский р-н Приморского края, уроженка Луганской обл., в Россию переехала в 1960-е гг.].

«[Чувствовали ли Вы когда-нибудь неудобство из-за своей национальности?] Нет, такого я не чувствовала. Единственное, что мне было тяжело, когда мы приехали и я пошла в школу, школа на русском языке. Да, когда выходила к доске, разговаривала, объясняла урок, дети в классе смеялись, естественно, ну им было интересно. <...> [Приходилось ли Вам сталкиваться с негативным отношением в связи с Вашей национальностью?] Вообще-то было такое, было. Но не хочу это говорить. Это было в школьные годы, да, со стороны учителя. Но потом все нормально было» [жен., 1961 г. р., Хорольский р-н Приморского края, уроженка Ровенской обл., переехала в 1970-е гг.].

Некоторые опрошенные заявляют о «переписывании» в русские в карьерных целях или в силу большей престижности *русскости*:

«[Чувствовали ли Вы когда-нибудь неудобство из-за своей национальности?] Наверное, в определенной степени — это можно было сказать о периоде, когда я делал карьеру еще при советской власти. Основная моя карьера была сделана тогда. Ну она продолжилась с 90-х годов уже и в новый период, вот, ну в принципе конечно я везде, везде писал, что я русский. Это убирало лишние вопросы, связанные с национальностью. Знаешь тогда всех евреев звали французами [смеется]. Я 14 лет проработал монтажником, потом закончил заочно политехнический, работал инженером, потом меня взяли уже на партийную работу. Я говорю: „Почему его на должность не назначают?“. „Ну потому что он француз“. Я: „Какой француз?!“. „Ты чё, не понимаешь? Ну еврей!“. Вот, поэтому в определенной степени, вот тогда национальность имела значение, ..., в принципе больше внимания отводилось русским. Если бы я называл себя украинцем, то карьеру было бы в определенной степени сделать сложнее» [муж., 1944 г. р., г. Владивосток, уроженец Михайловского р-на Приморского края, переехал в 1950-е гг.].

«Тоди не спрашивали [при записи национальности в документах], пысалы произвольно, без нас, без нашего спроса. А может если бы спросили тоди як выдавали паспорт: „Ким ты хочешь: русской или украинкой?“ я б и тоди сказала русской, тому шо тоди руськи тоже славилься, було престижо русским, а не украинцем» [жен., 1957 г. р., Россошанский р-н Воронежской обл., местная уроженка, на суржике].

Самой массовой категорией «жалоб» украинцев России является негативное или пренебрежительное восприятие их языка (украинского или суржика) или даже просто акцента окружающими:

«Просто, когда вот где общаешься, то думаешь: „Ой, как правильно?“. Чтобы лишний раз [на своем не сказать], ну считай куда едешь, вот в городе, в Белгороде, например, даже. Там русские, хотя нас все ж понимают и в основном все же с деревни. А все равно стыдно бывает, не хочется лишний раз, чтобы наши слова там проскакивали. [А почему стыдно?] Ну как-то не знаю. Такие национальности: и грузины, и армяне они не это [не стесняются]. ... Бывает, что отношение такое к нам, что мы из села, деревня, дерёвня — так на нас говорят. <...> В учебе тоже, например, когда училась: „О, хохлы, хохлы!“ — начинают. [А где Вы учились?] Я тут в Вейделевке училась, это недалеко. Но там тоже были, и москали, как их называли, там Вейделевский район, там они вообще, такой разговор у них [другой]. И мы ж хохлы были. И лишний раз не хочется конечно [говорить на своем]» [жен., 1971 г. р., Россошанский р-н Воронежской обл., местная уроженка].

«Допустим в другой край куда-то если захват уже стыдно общаться с людьми. Правильного русского я не могу произнести, як правильно, а по-нашему — чудно» [жен., 1951 г. р., Россошанский р-н Воронежской обл., местная уроженка, на суржике].

«У меня недавно был случай, мы были в ночном заведении, отдыхали, стояли внизу. А у меня есть такая привычка, говорю „шо“ с детства и стоит женичина лет пятидесяти и матом мне говорит: „Фу, хохлы понаехали!“, и дальше давай меня матом крыть ... И вот тогда я поняла, какая ненависть есть у людей к другой национальности, хотя ничего плохого эти люди не сделали. Я не понимаю, почему такая ненависть может быть, это ужасно. А так, мне никогда не было неудобно» [жен., 1996 г. р., Хорольский р-н Приморского края, местная уроженка].

«Это отношение, так сказать, местных жителей, да, вот то, что мы говорили уже вопрос, да, когда „хохлушка“ или „хохлы“, то есть это как бы оскорбительное название, да. И из-за этого, например, кое-где не хотелось афишировать о том, что я из Украины. <...> Когда я общаюсь со своими соотечественниками с Донецкой, с Луганской области, мне с ними проще общаться потому, что все-таки, я рассказывала про вот эти вот развития в диалекте, да, и со своими можно спокойно шокать, гэгать, и отлично себя чувствовать» [жен., 1989 г. р., г. Воронеж, уроженка Донецкой обл., переехала в 2015 г.].

Рассмотрим теперь случаи более серьезных межэтнических конфликтов или этнически мотивированной ксенофобии. Вначале несколько примеров воспоминаний респондентов о советском периоде:

«Я такочко [скажу]: украинци, мэни прыходылось йздыты по работи на Украину, и прыходылось ночуваты, просто так получалось шо у людей ночував, не успевав вэртаться — очень приветливые, мягкие, разговор мягкий их. А русский я считаю, чего я так считаю: в училище у нас, як я учився [в Валуйках, Белгородская обл.], булы з нашей местности хохлы ж и [из] Валуйки, Белый Колодезь [русские] — воны жёстки булы, разговор жёсткий, на хохлив прямо наезжали на нас. У нас постоянно стычки булы между хохламы и москалямы, постоянно. Дрались до крови» [муж., 1949 г. р., Россошанский р-н Воронежской обл., местный уроженец, на суржике].

«Не то, что называли [жителей соседних русских сел „москалями“], а прям, у нас вражда была даже в детстве. Увидишь москаля в лесу — бей! Это вот прям всегда было такое. Хотя потом в юности дружили и нормально, они к нам ходили на улицу в деревне, сидели все вместе, вместе в клуб ходили. Но все равно, вот в шутках всегда: „Да вы москали!“, они нам: „Ой, вы хохлы, чтоб вы подошли, а мы москали не подохнем николи!“, а мы им в ответ: „Москаль плескал..., — ну не буду говорить что [нецензурно], — плескал, плескал, плескал, да не выплескал“» [жен., 1977, г. Воронеж, местная уроженка, родители из Красногвардейского р-на Белгородской обл.].

«И в армии казали хохольчики или шо то там. Не ну хохлив ненавидилы, поняв. Вот це москали, вот це же с Москвы — це ж москаль. „Хохол! Э — хохол!“ [уничительно]. Украинцем не называли, а — хохол! [А Вам обидно было, что хохлом называли?] Обидно, чуть-чуть конешно. Старався шоб руським быть, а слова выскакують хохлячи. А сейчас всэ одно». [муж., 1949, Воронежская обл., Россошанский р-н, местный уроженец].

Но ещё больше таких свидетельств мы получили о современном периоде на волне российско-украинского конфликта после 2013 г.:

«[Приходилось ли Вам сталкиваться с негативным отношением в связи с Вашей национальностью?] Ну да, да было. Это было на работе, стычки такие там несколько раз были. [А на почве чего?] Ну я сам не знаю, кому-то сказал что-то и всё сразу: „Ах ты, бандера!“ и все, вот так вот» [муж., 1972 г. р., г. Белгород, уроженец Винницкой обл., переехал в Россию в 1980-е гг.].

«Бывает русские противлятся. Я вот только украинские кассеты свои слушаю, мне много уже говорили: „Выключи свою хохляцкую музыку!“ Русские не признают этого. Даже вот я сама пою в хоре в украинском коллективе, в Омске в парках, на танцплощадках сольные пою украинские [песни] и мне было одно предупреждение. Там духовой оркестр и мне один сказал: „Уезжай на свой Майдан и там свои украинские песни пой, а тут нечего!“ Вот был такой разговор, это в прошлом году было, именно с оркестра мужик ска-

зал» [жен., 1951 г. р., г. Омск, уроженка Винницкой обл., переехала в Россию в 1980-е гг.].

«Выпячивать украинство вещь очень спорная, сложная. У нас даже на концертах были некоторые вызовы в нашу сторону, что против того чтобы мы вообще выступали. Поэтому неприязни, ощущение неприязни. Поэтому с осторожностью мы это делаем» [муж., 1959 г. р., г. Омск, местный уроженец].

«Когда я пришла в колледж у нас там спрашивали, а у меня фамилия [называет свою фамилию], ну хохляцкая, сразу все заподозрили, и вот они начали спрашивать типа: „А как там?“, как будто я с Украины. Начали потом говорить: „Вот ты себя украинкой считаешь, как такие отношения, там [в Украине] про русских такое говорят, а ты себя так считаешь?“. Но я к этому относилась ровно, ну говорят и говорят» [жен., 2001 г. р., Павлоградский р-н Омская обл., местная уроженка].

«[Чувствовали ли Вы когда-нибудь неудобство из-за своей национальности?] Да. Мной замечено, что Россия довольно агрессивная к Украине через телевизор, и чем восточней, тем сильнее. В Тульской области я работал с украинцами и, надев футболку Евро-2012 Польша-Украина, мне западно-украинский прораб обещал, что я его большой друг и весь инструмент мой, пользуйся. В этой же ровно футболке я сел в автомобиль в Тынде в Амурской области и, если цитировать, то с матами, мне пытались разбить лицо, что я хохол ... В Амурской области замечено — они очень обожают телевизор, в любом месте — в парикмахерской, в магазине — будет стоять телевизор, и они оттуда все вторят, впитывают и накаченные в 2016–2017 годы позицией антиукраинской, там [она] дает хорошие всходы и люди, сами не зная почему, кидаются» [муж., 1988 г. р., г. Барнаул, уроженец Казахстана, переехал в 2000-е гг.].

«Как-то мне одна женщина с обидой сказала, мы же здесь вот в музее у нас есть комната первопоселенцев, там украинские костюмы и вот мероприятия мы иногда проводим по истории украинского костюма, например. И вот одна женщина мне как-то и сказала: „А что вы всё время всё на украинскую тему проводите?!“. Я говорю: „Ну потому что они её заселяли, первые приехали“. „Ну вот надо же мероприятия и по русской истории. У нас же тоже русские здесь есть!“. В общем вот такое было мне замечание» [жен., 1959 г. р., Хорольский р-н Приморского края, уроженка Казахстана, переехала в 1990-е гг.].

Встречаются и свидетельства опасений респондентов за свою безопасность или безопасность родных в последние годы в связи с публичным выражением украинской идентичности:

«Знаете, вот когда у нас началась война на Украине, вот тогда я начала задумываться о том, что людей же всяких ненормальных [много], а у меня дочка выступает, на всех концертах поет украинские народные. Я боялась за ее жизнь, так сказать. А потом время прошло, как-то это все затихло и как бы нормально. А так что бы не удобно — нет. Меня сейчас спросили: „Ты кто?“. Я сказала, что

хохлашка» [жен., 1981 г. р., Романовский р-н Алтайского края, уроженка Хабаровского края, переехала в 1990-е гг.].

«[Приходилось ли Вам сталкиваться с негативным отношением в связи с Вашей национальностью?] *Нет, я нет. Но когда вот этот вот конфликт начался* [2014 г.], *я ж говорю закрасьте украинцев* [были нарисованы на стене в школе]. *Думаю, не дай Бог скажут, а ну выметайтесь все, кто [украинцы] с территории России. Думаю, что не дай Бог, всякое же бывает. Ощущение того, что может быть неизвестно что. Мы хоть и родились [в России], а предки то наши оттуда [из Украины]*» [жен., 1963 г. р., Павлоградский р-н Омская обл., местная уроженка, директор сельской школы].

Впрочем, нередки и примеры более «мягких» ситуаций, когда публичное выражение *украинскости* респондентами вызывало у окружающих «только вопросы» или шутки:

«*Я ношу вышиванки летом.* [Ничего Вам не говорят?] *Говорят, а я ношу.* [Говорят в смысле интересуются или с негативом?] *Нет, говорят: „Ты кто?!“. Я: „В плане?“.* „*Ну на тебе украинская кофта“.* *Я такая: „Да, вышиванка и это вышиванка с Сумской области“ ... Негатива не было, люди просто удивляются, что я ношу, ношу на работу, ношу к друзьям, ношу на встречи»* [жен., 1973, г. Воронеж, уроженка Казахстана, переехала в 2000-е гг.].

«*Бывало так, говорили в шутку. Вот, допустим, до тещи приеду в гости в Ульяновск, там у нее братья старшие были, и вот я приеду туда, и они никогда не говорили на меня шо я русский или кто, а: „Хохол приехал!“.* *Конечно если бы в драке или что оно может быть и сыграло бы [роль, а так не обидно]*» [муж., 1950 г. р., Павлоградский р-н Омской обл., местный уроженец].

В целом примерно в половине интервью содержатся свидетельства или дискомфорта при выражении *украинскости*, или этнически мотивированной ксенофобии разной степени агрессивности. Соответственно, вторая половина информантов — не назвала примеров негативного к ним отношения или самоцензуры, хотя и в них иногда проскальзывают намеки на этнически мотивированную предвзятость окружающих:

«[Чувствовали ли Вы когда-нибудь неудобство из-за своей национальности?] *Да нет, я в общем-то не скрываю никогда. Я даже бравировал своим украинским происхождением.* <...> [Возможно при общении с окружающими людьми Вы по-разному ощущаете свою национальность. Расскажите в каких ситуациях Вы чувствуете себя больше русским, а в каких больше украинцем?] *Да, конечно, такой фильм есть „Свой среди чужих, чужой среди своих“.* *Среди украинцев я могу восприниматься как москаль, а среди русских я традиционно воспринимаюсь как хохол, который хуже еврея»* [муж., 1966 г. р., г. Воронеж, уроженец Сумской обл., перевезен родителями в младенчестве].

«[Чувствовали ли Вы когда-нибудь неудобство из-за своей национальности?] *Да нее, здесь в основном все украинцы наши то район, тут даже никаких, никто*

тебе не скажет, там: „Ты украинец!“ или „Ты казах!“; не, не, ничё, потому что здесь в основном все украинцы. Эти корни украинские все» [муж., 1939 г. р., Павлоградский р-н Омской обл., уроженец Харьковской обл., переехал в детстве].

«[Чувствовали ли Вы когда-нибудь неудобство из-за своей национальности?] Нет, я не чувствовала, но, когда я школу закончила и пошла учиться [в Омск], а девчонки там омички мне: „Ты хохлушка?“. По мне не видно, а вот когда я начинаю говорить и слышно было вот этот акцент, вроде бы не гэкала, но вот они распознали [смеется]. Я бы не сказала, что мне как-то стрёмно было, просто мне было интересно как они догадались?» [жен., 1960 г. р., Павлоградский р-н Омская обл., местная уроженка].

«[Чувствовали ли Вы когда-нибудь неудобство из-за своей национальности?] Нет, я хочу сказать ни там [в Украине], ни тут [в России]. Здесь я не знаю, как бы в другом городе я себя б чувствовала, я не могу сказать, потому что многие у нас поезжали там в Московскую область, в Питер, но как-то себя не так [они хорошо там чувствуют]. Сюда мы приехали очень ну как-то приветливо относились люди, добродушно» [жен., 1966 г. р., г. Владивосток, уроженка Донецкой обл., переехала в 2014 г.].

Таким образом, материалы интервью свидетельствуют, что примерно половина респондентов испытывала дискомфорт в связи со своей украинской идентичностью, в т. ч. сталкивалась с проявлениями этнически мотивированной ксенофобии, либо испытывала социальную депривацию в связи со своей украинской идентичностью (языком и др.). Примечательно, что около половины (или около $\frac{1}{4}$ от общего числа интервью) этих свидетельств было получено не при ответе респондентов на соответствующие прямые вопросы, а при их ответе на какие-либо иные вопросы. Эта модель поведения, по нашему мнению, часто мотивирована нежеланием «выносить сор из избы», стремлением замолчать проблемные аспекты, концентрироваться «на хорошем». Также многие опрошенные просто «не замечали» тех или иных негативных проявлений в их адрес или смирились с ними. К сожалению, для многих украинцев проявления этнически мотивированного отношения к себе стали «необидной» нормой, например, массовое именование их в России «хохлами».

Поэтому результаты количественного исследования (анкетирования), по крайней мере в аспекте исследования частоты проявления ксенофобии и этносоциальной депривации, вряд ли корректно отражают действительность: 77% респондентов заявляют о комфортности выражения своей этничности, а 85% — об отсутствии этнически мотивированной ксенофобии в их адрес. Данные, собранные в ходе интервьюирования, дают основания считать, что эти цифры в реальности существенно ниже.

В завершение нельзя не отметить, что полевые исследования, ставшие эмпирическим материалом для настоящей статьи, были проведены накануне эпохальных событий 2022 г., которые в исследуемом вопросе наверняка значительно ухудшили ситуацию. И до 2022 г. большинством населения этничность воспринималась в связке с государством, а в настоящее время национальность — критерий политической благонадежности, по крайней мере, в восприятии населения.

Источники и материалы

- ВПН 1926 — Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том III. Центральнo-черноземный район. Средневолжский район. Нижне-волжский район. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928.
- ВПН 1937 — Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов / сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.
- Демоскоп — Демоскоп Weekly. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения 15.11.2022).
- Итоги Национальной 2021 — Итоги Национальной переписи населения 2021 года в Республике Казахстан. Нур-Султан: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2022. 63 с.
- Национальный статистический — Национальный статистический комитет Республики Беларусь. <https://census.belstat.gov.by/sections/5> (дата обращения 15.11.2022).

Научная литература

- Гончарова Т. А. Этнический ренессанс и этническая идентичность славянских этнодисперсных групп в Сибири // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 3 (13). С. 53–59. https://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/goncharova_t_a_53_59_3_13_2016.pdf
- Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М.: Институт российской истории РАН, 2016. 487 с.
- Листова Т. А. Воронежские украинцы — русские хохлы // Вестник антропологии 2014. № 2 (28). С. 116–139.
- Мартынова М. Ю. Украинцы в России: российские граждане или украинские мигранты // Этнопанорама. 2013. № 1–2. С. 71–77.
- Октябрьская И. В., Крикау Л. В., Антропов Е. В. «Мы украинцы, хотя пишемся русские...»: этнические процессы в среде украинцев степной зоны Западной Сибири XX — начала XXI века // Проблемы истории, филологии, культуры 2015. № 4. С. 221–227.
- Сафронов С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-3-9>
- Епихина Ю. Б., Черныш М. Ф. (отв. ред.). Социальные факторы межэтнической напряженности в России. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 336 с.

References

- Drozdo, K. S. 2016. *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'e, 1923–1933 g.* [Ukrainization Policy in the Central Chernozem Region, 1923–1933]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN. 487 p.
- Epikhina, Y. B. and M. F. Chernysh (eds.). 2017. *Sotsial'nye faktory mezhetnicheskoi napriazhennosti v Rossii* [The Social Factors of Interethnic Tension in Russia]. Moscow: FNISTS RAN. 336 p.
- Goncharova, T. A. 2016. *Etnicheskii renessans i etnicheskaia identichnost' slavianskikh etnodispersnykh grupp v Sibiri* [Ethnic Renaissance and Ethnic Identity of Slavic Ethnic Dispersed Groups in Siberia (Case of Belarusians and Ukrainians of Tomsk)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology* 3 (13): 53–59. https://ling.tspu.edu.ru/files/ling/PDF/articles/goncharova_t_a_53_59_3_13_2016.pdf
- Listova, T. A. 2014. *Voronezhskie ukraintsy — russkie khokhly* [Voronezh Ukrainians — Russian Khokhols]. *Vestnik antropologii* 2 (28): 116–139.

- Martynova, M. Yu. 2021. Ukraintsy v Rossii: rossiiskie grazhdane ili ukrainskie migranty [Ukrainians in Russia: Russian Citizens or Ukrainian Migrants]. *Etnopanorama* 1–2: 71–77.
- Oktiabr'skaia, I. V., L. V. Krikau, and E. V. Antropov. 2015. "My ukraintsy, khotia pishemsia russkie...: etnicheskie protsessy v srede ukraintsev stepnoi zony Zapadnoi Sibiri XX — nachala XXI veka" ["We Are Ukrainians, But Indicate as Russians...": Ethnic Processes Among the Ukrainians of the Steppe Zone of Western Siberia in the XX — Beginning of XXI Century]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4: 221–227.
- Safronov, S. 2015. Sovremennye tendentsii transformatsii etnicheskogo sostava naseleniia Rossii [Russian Population Ethnic Structure: Trends and Transformations]. *Baltic Region* 3: 106–120. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-3-9>